

**Надир Киносьян,
Кардиффская школа городского и регионального планирования
(Уэллс, Великобритания)**

Городское управление в России. Сравнительный анализ городов Санкт-Петербург и Казань

Начну с введения – о тех изменениях, которые происходят в российских городах. Прежде всего - это экономическая реструктуризация, сокращение доли промышленного производства и рост сферы услуг и торговли. Как любое постиндустриальное общество, мы становимся обществом потребления – обществом, которое меньше производит, но больше потребляет, причем потребляет разнообразные продукты. В Казани это приобретает невообразимые масштабы: по количеству торговых площадей на душу населения мы отстаем только от Москвы. Эта политика в городе абсолютно нескоординирована. Например, один торговый центр остается недостроенным и заброшенным, а в десяти метрах от него строится новый торговый центр. Все это происходит на фоне того, что строятся торговые центры на периферии: у нас есть ИКЕА, есть МЕТРО и другие торговые сети, которые принимаются с распростертыми объятиями.

Меняется также структура жилого фонда: заполняются все ниши и «нишки» новыми предложениями, и это приводит к изменению городского ландшафта, поскольку требования наличия охранных зон не соблюдаются. Возникают самые неожиданные вещи. У нас появился первый так называемый gated – поселок за забором. Человеку с улицы попасть туда не возможно, там стоят камеры наблюдения. «Собственности» не только отделены от внешнего мира, но и разделены заборами. Причем все это в центре города.

С другой стороны, неприятные масштабы принимает расслоение общества, когда одна часть не живет, а выживает, а другая – строит себе крепости. Другая часть представляет санитарную угрозу. В связи с этим возникает вопрос: можно ли говорить об устойчивом развитии российского города?

На мой взгляд, проблема городского строительства и управления может быть описана четырьмя фразами.

Сейчас среди нашей политической элиты происходит увлечение большими проектами. Развитие видится не как последовательное улучшение, а обязательно как нечто большое, революционное и радикальное. Это поддерживается идеологией роста и развития: «догнать и перегнать». Любой политик, мэр или губернатор, по крайней мере, в своих политических заявлениях стремится к улучшению стандартов жизни, увеличению потребления, росту строительства, не вполне понимая как и где, зачем и для кого.

Следующее явление – это фестивализация городской жизни. Становится чрезвычайно популярным, когда город живет от события к событию, от фестиваля к саммиту, от саммита к юбилею. Изобретаются юбилеи. В частности, в Казани мы недавно отмечали тысячелетие в августе прошлого года. Причем я помню, как мы отмечали семисотлетие, а это значит, что я живу уже триста лет.

Принципы устойчивого развития, которые на самом деле являются поиском некой гармонии социального, экономического и экологического, политиками примитивно и вульгарно понимаются как устойчивый рост, устойчивое воспроизводство, увеличение потребления и производства. Если проследить политические заявления, то фразы о необходимости устойчивого развития означают фактически устойчивое увеличение потребления, то есть фактически нечто совершенно противоположное его оригинальному значению.

Я попытался найти свою проблематику в общей картине и разделил ее на четыре уровня: от глобального до местного.

На глобальном уровне очевидно, что все страны, регионы и города, за исключением стран-изгоев, участвуют в мировом экономическом процессе. Это ощущается в наличии новых товаров, новых услуг, реструктуризации промышленности, исчезновении некоторых индустрий. В частности, в России исчезла электроника, после того как мы включились в мировую экономическую систему. Обмен идеями, информацией происходит практически мгновенно.

На национальном российском уровне, как мне кажется, важно знать, что у нас есть трехуровневая система власти, вертикаль власти:

когда политики в своем поведении ориентируются скорее на вышестоящий уровень власти, нежели на свой электорат, и их поведение нацелено на то, чтобы произвести хорошее впечатление на своего «босса». Если это мэр, то он хочет сделать что-то приятное для губернатора, если это губернатор, то он хочет сделать что-то приятное для президента. И это, как я дальше покажу, влияет на градостроительную политику тоже.

У нас сложная этническая структура. Если Петербург относится к российскому региону, то Казань – к татарскому, с сильным ощущением отличия от России и наличием сепаратизма (который сейчас несколько сократился), с татарским языком и исламской религией. Это совокупно влияет на то, как строится политика между регионом и центром. Между регионом и центром существует традиция политических сделок, когда политические требования предъявляются Москве, а взамен Москва пытается их сбалансировать некими экономическими предпочтениями.

Как я уже сказал, идеология роста и развития прослеживается во всех политических заявлениях, начиная от президента и кончая мэром. Для них для всех задача номер один – увеличение потребления, улучшение стандартов жизни. Новой темой в городской и региональной политике являются национальные проекты. На следующем уровне, как я уже сказал, местные традиции. Этническая окраска сильно влияет на политику, и я покажу, каким образом это происходит. На местном уровне я говорю о качестве власти в городе, о качестве планирования, управления, анализа, об институциональных взаимоотношениях между ветвями власти, бизнесом и различными организациями, что весьма существенно для городского развития. Это общая картина, где я пытаюсь найти место теме своего исследования.

Следующий шаг – это взгляд на теоретическую основу. К сожалению, в России эта тема дискуссии не на таком уровне, как на Западе. Это связано, на мой взгляд, с недофинансированием исследований, которые у нас проводятся. Поэтому я использую в основном западные источники. Я считаю, что неолибералистская дискуссия – один из источников моего исследования. Я имею в виду следующее. Неолиберализм, как господствующий мировой порядок принят как в политической практике, так и в исследовании.

Объем этой дискуссии, конечно же, гигантский, и можно написать не одну диссертацию на эту тему. Но здесь важно то, что одной из частей этой дискуссии является мифологический компонент, когда успехи, распределенные крайне неравномерно, преподносятся как стандарт. Это создает мифологию успеха. Это происходит, когда успешные территории себя рекламируют, а территории, которые проиграли в этой игре, не имеют возможности себя рекламировать. Поэтому мы не знаем о другой стороне неолиберализма. А в сознании политиков отражается только одна сторона – сторона успеха, успешной конкуренции. И прежде всего это заметно в практике планирования и в дискуссии о городском планировании.

Каждая сторона развивает свой вариант неолиберализма и, по утверждению некоторых авторов, мы проходим через примитивный этап накопления капитала, когда

происходит коммодификация всех активов, выставление на рынок всех активов и их вовлечение в процесс обмена. В России этот процесс крайне противоречивый и неравномерный. Последний пример – это введение национальных проектов, когда наше движение в сторону рынка правительство пытается сбалансировать государственной интервенцией. То есть мы движемся и вперед и назад, в нашей версии. Также как и с приватизацией и национализацией: по выбору власти компании могут быть приватизированы и национализированы обратно.

Во всей западной прессе идет масса материалов о том, как Кремль становится прямым игроком экономики и ведет себя как частная компания, которая хочет руководить непосредственно бизнесом и быть прибыльным бизнесом. В связи с этим возникает масса таких ироничных лэйблов, как «Кремль инкорпорейтед», «Кэй-Джи-Би Лимитед» и другие – для описания сегодняшней политики.

Моя гипотеза заключается в следующем. При отсутствии демократических традиций и низком качестве власти политические элиты воспринимают экономическое развитие очень однобоко. Они целиком заигнорированы успешной стороной неолиберализма и стремятся построить свою экономическую политику на принципах конкуренции, на принципах коммодификации всех активов, что, на мой взгляд, опасно своими последствиями – как социальным расслоением, так и перераспределением ресурсов из социальной сферы в сферу развития, которое создает визуальный образ успеха.

Я покажу ряд государственных программ и ряд политик, которые, на мой взгляд, очень характерны.

На первой картинке – центр Казани в процессе реализации программы ликвидации ветхого жилого фонда. Эта программа реализовывалась с 1995 по 2004 год, стоимость программы была около 800 миллионов долларов. В результате этой программы было переселено из центра около 100 тысяч человек (30 тысяч семей). Они были переселены из жилья низкого качества в стандартные квартиры с городским сервисом - водопровод, канализация, газ, электричество. Программа крайне противоречивая, потому что успех ее очень односторонний. Было построено жилье, как я уже сказал, для 100 тысяч человек, которые были переселены на периферию города, что незамедлительно создало сильную нагрузку на транспорт и массу других проблем, связанных с недостаточным обеспечением школами, больницами, магазинами, местами приложения труда. Это большая тема, которую можно развивать.

С другой стороны, все, что произошло в центре, нельзя назвать иначе как провалом, поскольку опустевшие здания неизбежно стали разрушаться. Особенно плачевная ситуация возникла со зданиями – памятниками архитектуры, защищенными государством, поскольку ни один инвестор никогда не хотел связываться с памятником. Это связано с удорожанием работ, с регламентами, с ограничениями, с невозможностью его надстроить. Поэтому памятники в течение многих лет оставались в таком состоянии, что от них ничего не оставалось, и инвестор в конце концов получал пустую площадку, когда здание разбиралось по кирпичику.

В результате, в городе появились пустые территории. Самое смешное, что некоторые из этих территорий были оснащены водопроводом, канализацией и всей инфраструктурой. Но, поскольку инвестиционная политика была совершенно нескоординирована, город в одной своей части продавал землю по цене, начиная от 100 долларов за квадратный метр, а в другой части землю можно было получить бесплатно по процедуре землеотвода – по старой советской процедуре получения разрешения на строительство, что не было связано с покупкой земли. Поэтому остались пустые места, которые город решил застроить самостоятельно. Пустые места выглядят некрасиво, поэтому город решил вмешаться и заполнить пустоты новыми зданиями, предназначенными для продажи. В результате появились дома, которые, разумеется,

никто не покупает из-за того, что город назначил очень высокие цены. Я насчитал дюжину домов с вывеской «Продается администрацией города». Но вывески висят уже год, а клиентура не «созревает».

Следующий пример – это недавняя программа сохранения и развития исторического центра города, которая примерно наполовину финансировалась бюджетом Российской Федерации и была результатом сделки между президентом Шаймиевым и президентом Путиным. Разговор между двумя президентами был опубликован в нескольких изданиях. Эта сделка заключалась в следующем: когда Путин пришел к власти, он поставил вопрос о суверенитете, который был неким неудобным элементом федеральной политики. Шаймиев выставил встречное предложение. Он сказал, что, если мы входим в налоговое поле, т.е. Татарстан платит налоги как и другие субъекты федерации без тех преференций, которые были даны слабым ельцинским режимом, то Татарстан должен получить что-то взамен. Взамен он получил Программу социально-экономического развития Татарстана, подпрограммой которой была Программа сохранения и развития исторического центра Казани.

По этой программе планировалось изначально получить 64 млрд.рублей, фактически было получено 32 млрд.рублей, то есть половина. На эти деньги была построена первая ветка метро, которая у нас идет от Кремля до станции «Горки», то есть она практически ничего ни с чем не соединяет. На этом деньги у них кончились, и сейчас они получают финансирование из республиканского бюджета, но там гигантские долги, система себя не окупает и непонятно, что с ней будет происходить в дальнейшем.

Помимо метрополитена были построены другие объекты, например, Баскет-холл. Была реконструирована городская ратуша. Все это – гигантские вложения. Интересно то, что когда программа начиналась в 2000 году, то список объектов был около 120 и включал такие полезные вещи как дороги, водопровод, водозабор, больницы. Когда программа подошла к концу, остались, в основном, помпезные объекты, которые используются горожанами редко, как, например, Баскет-холл. Не каждый день люди ходят смотреть баскетбол, не каждый день люди ходят смотреть скачки. А на казанском метро куда-либо доехать невозможно, поэтому люди туда ходят как на аттракцион – кататься.

В здании ратуши в советское время находился Дом офицеров. Там показывали фильмы и устраивали танцы. А сейчас это ратуша, туда просто так не попадешь, то есть городское пространство из общественного стало частно-государственным. И эта тенденция - характерная: доступные ранее пространства приватизируются как частными структурами, так и государством, в результате чего они уже не могут использоваться в режиме свободного доступа.

Следующий, достаточно смехотворный проект. То, что вы видите – не мечеть. Это казино. А весь проект называется «Туган авылын», что по-русски звучит как «Родная деревня». И как «всякая татарская деревня», этот развлекательный проект имеет казино, ресторан, баню и прочее. Особенно «характерна» для Татарстана ветряная мельница, в которой расположен ресторан. Опять-таки, это закрытая территория, обнесенная забором, и попасть туда можно только будучи клиентом. Это не то место, куда люди ходят просто отдохнуть, посидеть на открытом воздухе. Это место, где необходимо купить какую-то услугу.

Следующее – это ряд объектов, которые не финансировались государством напрямую, но государство их финансировало опосредованно, с помощью выдачи неких полномочий, например, покупать и продавать некоторые товары. Скажем, одним из источников финансирования строительства мечети была скупка зерна у колхозов и перепродажа зерна за более высокую цену. А строительство пирамиды осуществлялось частично с помощью преференций в нефтяной торговле. Компания, которая

контролируется семьей президента и которая построила пирамиду, покупала сырую нефть и затем перепродавала ее за более высокую цену.

Следующий пример – это генеральный план Казани, который сейчас разрабатывается, и один из материалов – это моя статья «О генеральном плане». Что характерно, в работе над генеральным планом – это крайне низкое качество анализа. Я утверждаю, что генеральный план во многих его показателях был мотивирован политической волей, а не анализом городского развития. Например, население Казани сейчас составляет около 1 миллиона 100 тысяч человек. В генеральном плане указывается увеличение населения до полутора миллионов человек к 2050 году. Совершенно непонятно, на чем основан этот прогноз, потому что если посмотреть реальную динамику, то за последние десять лет количество населения Казани представляет собой стабильную цифру. Оно не сокращается, но и не растет. Разумеется, смертность превышает рождаемость, но за счет того, что все бегут из деревни в город, сохраняется некая стабильность. Но никаких перспектив к увеличению не видно.

Однако городские власти стремятся создать образ успешного города искусственным завышением прогноза численности населения, что позволит претендовать на большую территорию и аннексировать сельскохозяйственные земли вокруг города, с тем, чтобы впоследствии ее продавать и тем самым генерировать больший доход. С другой стороны, расширение площади города и строительство на этой территории приведет к оттоку людей из центра и ухудшению там ситуации, что произошло в американских городах, где центральные части городов стали непривлекательны.

Следующий пример – упомянутая мной фестивализация. Речь идет о том, что направление движения мысли политиков связано с созданием имиджа успеха, проведением мероприятий, строительством объектов, которые символизируют успех, даже если в реальности успеха нет. Это видно и в Казани – то, что мы отмечали в прошлом году, и в Петербурге – вчера я добирался два с половиной часа из аэропорта, поскольку там чинили дорогу в ожидании саммита.

Целью исследования я вижу изучение влияния идеологии неолиберализма на городское развитие и мне кажется, что нужно оценить влияние как внешних, так и внутренних факторов. Под внешними факторами я понимаю влияние глобальной экономической системы и глобальной культуры, постоянно предлагающей образы успеха, которые политики стремятся воспроизводить на их территориях. А под внутренними факторами я понимаю те институциональные условия, которые разрешают политикам перераспределять ресурсы в том направлении, которое прежде всего создает имиджевую сторону, в ущерб социальной и экономической сторонам.

Результатом исследования я вижу оценку возможности устойчивого развития и поиск рецептов улучшения ситуации. Мне представилось интересным сравнить два города, два региона: Петербург и Ленинградскую область – Казань и Республику Татарстан. Причем сравнить их по четырем позициям. Первая – это уровень интеграции в мировую экономику, следующий уровень – это федерализм и политико-административная иерархия. Если Петербург равноправен с областью, так как оба являются субъектами федерации, то Казань, согласно административной субординации, подчинена республике, что по-разному формирует политику. Как я сказал, этнический и религиозный вопрос – это существенный фактор в объяснении развития. На местном уровне – качество управления, качество планирования, анализа, качество взаимодействия ветвей власти – тоже элемент исследовательского каркаса.

Виктор Пересада: Был Институт развития городов, имее ли Вы к нему какое-то отношение?

НК: Нет, не имею.

Виктор Пересада: В Петербурге тоже недавно был утвержден план развития. Могли бы Вы сравнить эти два плана по качеству – петербургский и казанский?

НК: Это только начало работы и я пока не проводил сбора данных по Петербургу. Поэтому я не могу оценить качество петербургского проекта. Это мой первый визит в связи с исследованием.

Виктор Пересада: К диаграмме роста населения в Казани. Вы показали диаграмму, где происходит рост 1% в два года. Так, может быть 1,5 миллиона к 2050 году – это реально?

НК: По поводу демографической проекции в Казани... Не знаю, существуют ли модели... Я считаю, что даже технически невозможно планировать подобные показатели на 50 лет вперед. Это настолько непредсказуемо!

Наталья Чистякова (демограф, Институт региональной политики РАН): Извините, я Вас перебыю. Это не планирование, это прогноз, который создается и на 50 и на 150 лет вперед. У нас это делается на мировом уровне.

Пересада: Хочу напомнить, что в СССР существовала такая практика. Создавался прогноз на 20 лет и каждые пять лет он уточнялся и корректировался.

НК: Хочу добавить, что проблемы с демографией в России случились после 90-го года. Произошел обвал.

Чистякова: Отнюдь...

Сергей Шелин (политолог, журнал «Новое время»): Существуют попытки российских властей построить политику на принципах конкуренции. Вся фактура, Вами ранее приведенная, опровергает эту мысль. И мне совершенно не понятно, почему Вы называете неолиберализмом эволюционизм, феодализм, в общем, все что угодно?

НК: Как я уже сказал, у нас очень противоречивая ситуация. С одной стороны, наличествуют признаки либеральной экономики, когда есть рынок, когда есть обмен товаров, есть финансовый рынок, есть определенная открытость мировой системе, хотя вступление в ВТО не происходит потому, что есть определенные барьеры, связанные с банковским и энергетическим секторами. А с другой стороны, государство демонстрирует то, что Вы назвали феодализмом.

Шелин: Вы показывали обнесенные «средневековыми» стенами кварталы. У нас тоже они есть. Целые поселки. Могу показать.

Алексей Шустов (психолог, СПбГУ): В продолжение вопроса Шелина, я как раз хочу попросить дать определение неолиберальной идеи, идеологии, которому Вы следуете, когда приписываете неолиберальный характер источникам мотивации властей.

НК: Неолиберализм в моем понимании – это экономический режим или порядок, когда экономические авторы свободно конкурируют друг с другом и вступают в экономические отношения с минимальным контролем со стороны государства или иных регулирующих инстанций. Это свободный обмен товарами, свободный обмен такими вещами как земля, постройки, труд, идеи. Это создание государством режима

наибольшего благоприятствования для бизнеса, снятие барьеров, создание условий для накопления капитала в частном секторе.

Мария Мацкевич (СИ РАН): То есть то, что у нас сейчас?

НК: То, что у нас сейчас – это то, что я пытаюсь понять и исследовать. Это такая интересная вещь, что в нашей практике при фактической стороне, более напоминающей централизованное тоталитарное государство, сторона имиджевая воспринимает визуальные образцы. Политики стараются стать либеральными, не меняя свою политику в сторону фактического либерализма или либерализации, а создавая некие физические артефакты, такие, как торговые комплексы, офисные площади, такие объекты развлечения, которые демонстрируют некую принадлежность к западному миру. Мне представляется это очень интересным, когда создается такая оболочка.

Вот, например, в Москве сейчас будет строиться самое высокое здание в мире, потому что считается, что идея современности и идея принадлежности к мировому сообществу заключается в наличии высокого офисного здания. Совершенно бесконтрольно и непродуманно разрешается строительство комплексов, которые в определенный момент станут нестабильны. Жилищное строительство поощряется, потому что считается, что это хорошо, но в любой момент это может стать нестабильно и привести к обрушению рынка.

Это моя точка зрения. То есть у нас реальная ситуация заменяется неким фетишистским образом.

Шустов: Тогда имеет смысл говорить о фетише неолиберальной идеологии, который руководит поведением чиновника, а не о неолиберальной идеологии, которая им руководит?

НК: Я считаю, что это совершенно жизнеспособная исследовательская идея.

Мария Белоусова (СИ РАН): Хочу повернуть в другую плоскость. Вначале скажу, что мне довелось побывать в прошлом году в Казани. Задачи у меня были исследовательские и работала я там с государственными чиновниками. Конечно, все эти достопримечательности становятся не только местом для прогулки местных жителей, но и местом «выгула» гостей, как, например, метро. Мне довелось пережить такую экскурсию: «А сейчас поедem в метро – пять остановок!». К сожалению, мы были далеки от изучения празднования тысячелетия Казани, но, вместе с тем, в беседах с людьми, с которыми я общалась по ходу своих интересов, я многое выслушала и много чего увидела. Вот какие у меня создались впечатления. То, о чем Вы говорили, у меня в голове осталось как шлейф. Я понимаю, что я общалась с людьми не на улице, а с государственными чиновниками, которые имеют дополнительную информацию о том, как проходило тысячелетие и ради чего. Но все-таки, про метро они говорят: «Это наша гордость, но эти пять остановок не решают наших проблем». О программе «Ветхое жилье» они говорят: «Нам удалось сделать гигантский шаг, такая программа реализована только в Казани, нигде больше». А когда я спросила: «Не пострадали ли исторические памятники?» Мне вежливо сказали: «Вы нам этот вопрос не задавали». Далее. Все признают, что мечеть – это что-то такое грандиозное, но признают сомнительным исторический факт существования мечети на территории Кремля до этого. То есть вся эта помпезность, нецелесообразность создают определенные настроения в умах населения.

Попробуйте ответить на вопрос, как подобные действия власти оправдывались и стали приемлемыми для населения, для людей, проживающих в Казани. Может быть, выявление этих технологий прольет свет на то, что же это такое – феодализм, неолиберализм или что-то еще?

НК: Во-первых, мы не знаем, стало это приемлемым или нет. Если считать приемлемостью тот факт, что люди не пошли и не забросали метро или какой-то другой объект бутылками с зажигательной смесью, то да, эти проекты стали приемлемы. Но людей никто не спрашивал, хотя бы они этого или нет. Не существует никакого механизма влияния на решение власти. Можно протестовать, можно писать письма в газету, можно написать президенту, но это ничего не изменит – это к вопросу о качестве власти и демократии, которая у нас есть.

Вы общались с политической элитой, которая находится в ином социальном слое или классе, отличном от класса, к которому принадлежит большинство. Они создают эти проекты для себя, и сами пользуются благами, связанными с реализацией и воплощением этих проектов. Характерное замечание. Сейчас у нас руководитель строительного департамента находится под следствием за хищение или за нерациональное использование каких-то юбилейных средств. Это лишь маленький пример. Непонятно, почему именно им заинтересовались? Обычно никогда не интересовались тем, как расходуются средства. Поэтому возникает вопрос: что же он сделал неправильно на самом деле? Почему его «сдали»?

По поводу мечети. Интересно, что теперь официальная версия состоит в том, что это не мечеть, а мемориал, в котором службы будут совершаться дважды в год. То есть она выглядит как мечеть: у нее есть минареты, есть полумесяц, но мечетью она не является, а является частью музея-заповедника «Казанский Кремль». Это подтверждает мой тезис о том, что объекты служат визуальной цели: показать Москве, что в Татарстане к власти пришли татары и построили в русской крепости, символе колонизации, символ национального возрождения. А мечеть в Кремле не нужна, потому что это придаст большое значение религиозному фактору, что неприемлемо с политической точки зрения. Поэтому мечеть является мемориалом.

Алла Болотова (Центр независимых социологических исследований): Вы рассказали о программах городского развития – это программы «сверху». Не могли бы Вы рассказать, каким образом эти объекты городского развития принимаются жителями? Может быть, есть обратные примеры, каким образом жители города обживают эти новые объекты? Может быть, есть случаи, когда эти объекты используются как-то по-другому, не так, как было запланировано?

НК: Первой была программа ликвидации ветхого жилья. Разумеется, тут никаких консультаций с жителями не проводилось, более того, была запрещена приватизация зданий и квартир, которые относились к ветхим, чтобы лишить проживающего там легальной причины для судебной тяжбы, поскольку собственности он не имел, что облегчает «освобождение» территории. Была масса скандалов, когда люди не хотели выезжать из своих домов и квартир, особенно если человек жил в приличном доме, один на большой площади. По нормам давали однокомнатную квартиру тому, кто, скажем, держал коз, коров - имел хозяйство. Люди не хотели выезжать. Им отрезали электричество, их буквально выжигали, ломали бульдозером дома. То есть программа, по своей сути, варварская. О каком-то участии людей в ней я сказать не могу, кроме участия в пассивной обороне действиям власти.

Программа сохранения и развития центра города тоже была совершенно закрытой, полусекретной. Список объектов постоянно перетасовывался, и никаких обсуждений на общественном совете, конечно не было. Список тасовался методом обсуждения с Москвой, методом обсуждения с республикой. В результате, как я сказал, из 120 объектов (изначальное число), которые включали дороги, водозабор, промышленные объекты, больницы и прочее, остались в основном помпезные объекты, куда можно было привести гостей саммита. Метро было приоритетом номер один. На метро проехал Путин, сказал: «Как у вас тут здорово, мне так понравилось!» И уехал к себе в Москву.

Путин уехал в Москву, а город остался с миллиардами рублей долга. А мэр города получил от Путина приглашение в Дальневосточный федеральный округ на должность его наместника. Здесь я вижу прямую последовательность и прямую связь между способностью произвести впечатление на вышестоящего чиновника и получением личной выгоды из этого, что совершается в ущерб городскому сообществу. Нам остались долги, а мэр города выехал на новую федеральную должность.

Алла Болотова: Хотелось бы услышать от Вас больше примеров. Хочется услышать что-то более живое, потому что получается, что жители города у вас очень пассивны. Приведу пример. Соня Чуйкина изучала Нарвскую заставу – каким образом там организовано городское пространство и как жители его обживают. Вот, например, мне известно, что местные супермаркеты являются предметом гордости горожан. Люди обожают туда ходить. А ведь это просто говорит о том, что таких объектов не было раньше. Может быть, это не очень удачный пример, но, слушая Вас, возникает ощущение, что городского сообщества не существует, существует только власть, реализующая эти программы. Хотелось бы знать, как сами горожане обживают эти, пусть неудачные проекты. Тот факт, что гостей водят кататься в метро – это один пример. Может еще что-то Вам известно?

НК: Да, они обживают. А куда им деваться? Они покупают продукты в супермаркетах, они ездят в «ИКЕА», хотя туда сложно доехать городским транспортом, там нет тротуаров и туда можно добраться только на машине. Я считаю, что в политическом балансе нашего города роль избирателя минимальна. Да и сложно назвать их избирателями. Во-первых, люди не ходят на выборы. Во-вторых, те, кто ходит, голосуют за тех, на кого им укажут. А эта политическая пассивность приводит к тому, что люди становятся потребителями того, что им навязывают.

Николай Корнев (СИ РАН): Как я понял, Ваше исследование находится в начале. Поэтому у меня есть вопросы по структуре и планам исследования. Правильно ли я понял, что Ваше исследование – это сравнительный анализ развития двух городов – Петербурга и Казани. Какова методика проверки тех гипотез, которые Вы нам показывали? И как Вы предполагаете оценивать успешность устойчивого развития городов? Так как то, что Вы говорили – это Ваши суждения. Собираетесь ли Вы привлекать экспертов и выбирать какой-то экспертный пул по тем или иным оценкам? И какие оценки Вы предлагаете при измерении успешности, будет ли количественно строиться доказательство Вашей гипотезы? Или это качественная работа?

НК: Я считаю, что нет ничего плохого в том, чтобы строить свое доказательство, используя анекдотические истории и случаи. Например, оценить воздействие программы сохранения и развития исторического центра можно путем проведения количественного анализа. Можно сказать, например, что из такого-то числа проектов было реализовано столько-то, что составляет 15%. Из 60 млрд. запланированных было освоено 32 млрд., что составляет 50%. Это один подход, который я готов использовать. Единственный вопрос при количественном анализе – это получение доступа к информации. А если эта информация «нехорошая», то не так-то просто будет «выжать» ее из городской власти. И вообще любую информацию достаточно сложно «выжать» из городской власти, особенно, когда это связано с инвестиционными проектами и достаточно крупными вложениями.

По поводу экспертов. В Казани я уже проводил интервью по поводу генерального плана. Это тоже методология. Я думаю, что это будет комбинация различных методов, включая анализ доступной статистики, интервью, опрос мнений. Самое сложное здесь – соединить, как атрибутировать эти политики и последствия. Любое социологическое исследование не обладает стопроцентным механизмом объяснения соединения причин и

следствий, потому что люди действуют иногда недостаточно мотивированно. Городское планирование относится к социальной науке в британском контексте. Поэтому убедительность исследования будет создаваться тем, насколько убедителен мой аргумент и насколько убедительно я использую доступные доказательства.

Дмитрий Брагин (ЦНСИ): Хороший доклад. В нашей стране редко можно увидеть исследования в области натуральной географии, эмпирические исследования. Как я понимаю, Вы провели небольшой тест, чтобы поймать, каким образом у нас в стране проявляется неолиберальная идея, как она сказывается на развитии конкретного города. Докладчик доказывает, что тот неолиберальный пафос, который вроде бы существует, очень творчески ассимилируется градоначальниками, бизнесом. Вы показываете, что там много есть конфликтных интересов – это и президенты, и городская администрация, и бизнес, и частный бизнес в том числе. Жизнь кипит. Я думаю, что это будет очень хорошее исследование. Вы заявили, что одна из целей Вашего исследования - найти то, какие могут быть противовесы этому негуманному неолиберальному правительству, которое не учитывает социологические, археологические и даже эстетические факторы. То есть, неолиберальное правительство можно противопоставить какому-то более гуманистическому социально ориентированному правительству. Вы сказали фразу про устойчивое развитие как альтернативу, и что Вы попытаетесь найти какие-то механизмы противодействия этому неолиберальному чиновничеству. Нашли ли Вы уже какие-то противовесы, которыми можно все это сдерживать? И есть ли подобные идеи на уровне политики, на уровне гражданских инициатив, на уровне городского самоуправления, есть ли у вас какие-либо результаты? Меня интересуют конкретные примеры в связи с британским опытом.

НК: Проблемы в Британии во многом похожи на наши. Сложно говорить о какой-то передовой модели, которая существует в Британии. Там тоже политики хотят то, что они хотят. Градостроители действуют в рамках ограничений и диктата политиков. Люди во многом пассивны, они не проявляют интереса, не понимают, как система работает. То есть не могу сказать, что британский пример являет собой некую светлую модель. Позитивной частью британского опыта – это то, что у них эти исследования финансируются. Университеты выполняют много исследовательских работ, которые волнуют власть. Но тут своя политика: заказываются темы, которые потенциально продуктивны для власти, а те темы, которые потенциально опасны, не будут поддерживаться.

Брагин: Получается, что Ваше исследование посвящено трансляции неолиберальной идеологии в российский контекст. Тогда получается, что из заголовка Вашего исследования можно убирать «устойчивое развитие», потому что нельзя ничего сказать по этому поводу. Ваша установка – по-английски это называется «What you see, what you get» – что видишь, то и получишь. Я бы опасался заранее говорить, что Вы дадите ответ, как нужно противодействовать... Пафос Вашего выступления в том, что и на Западе, и в России этот процесс отдан на откуп политической и экономической власти, и контролировать его не получается.

НК: Это очень интересное замечание. Сейчас мне трудно сказать, сколько надежды может быть у нас в распоряжении, насколько оптимистичными мы можем быть. Трудно сказать.

Юрий Басилов (Европейский Университет): Спасибо за очень интересный доклад. В аннотации я увидел, что Вы сейчас работаете над диссертацией в британском Университете. Имеете ли Вы в своем распоряжении каких-то британских авторов,

которые работают в направлении британской городской социологии, и чьи исследования релевантны и для методологии анализа, и для практических результатов, которые можно получить и, может быть, как-то по-новому поставить проблемы для анализа городского развития в современной России? Меня интересует, используете ли Вы идеи Найджела **Свифта (?)** – это очень модный автор в городской социологии на сегодняшний день? И вообще, находите ли Вы что-то важное для себя, для анализа ситуации в России, работая в Британском Университете, или это просто место для работы?

НК: К сожалению, интерес к российской городской теме очень ограничен, и я практически не нахожу какого-то постоянного обсуждения этих тем. В конце августа будет конференция по устойчивому развитию в посткоммунистическом пространстве, она будет проводиться Географическим обществом. Там я буду выступать. Публикации по этому вопросу очень фрагментарны, события происходят довольно редко. Предыдущая конференция о посткоммунистических городах была в Штатах – в Иллинойсе в 2004 году. Сейчас выходит книга, которая называется «Ветры перемен», где будет моя глава – анализ двух программ развития. Сейчас она публикуется. Два автора, два редактора – это Зорица Недовек-Будич и Саша Сенкова. Одна из Иллинойса, другая из Канады.

Беспалов: В рамках теории - что-то релевантное для Вас есть в британской городской теории для анализа России?

НК: Городская социология – это не мой фокус. Я бы отнес себя к анализу институциональных основ, то есть это, скорее, анализ организационный и анализ политический. Мое академическое прошлое связано с политологией и городским планированием. В социологии я не эксперт и не занимаюсь социологией города. А по поводу английской теории: огромная литература сейчас написана на тему неорегионализма. Это область очень активной дискуссии. То есть, каким образом город и регион строят свои отношения. Административный город и экономический город – это две разные вещи, но политически они не могут найти тот формат взаимоотношений, которые существуют между различными политическими структурами, которые населяют общеэкономическое пространство. Существует также вопрос справедливости. Город становится центром качества жизни, тогда как периферийные территории теряют возможность трудоустройства, качество жизни там снижается, говорят о нищете в Британии: о сельской нищете, об энергетической нищете. Там люди не могут платить за услуги, не могут найти работу, не могут поддерживать тот стандарт жизни, который был прежде. Мне кажется, что это характерно и для России. Здесь тоже велико социальное расслоение между высокими социальными стандартами в городе, где есть работа, а, следовательно, деньги, и нищетой сельской жизни, где нет обслуживания, нет денег, нет должного медицинского обслуживания. То есть это актуально и для нас тоже. В Британии обсуждается тема неорегионализма: роль регионов и их политический формат.

Александр Мелихов (писатель): Скажите, Вы не находите сходства с петровской модернизацией, которая начиналась с того, чтобы имитировать всевозможные европейские институты: от зданий до учреждений, и которая со временем, может быть переродилась в подлинную модернизацию, а может быть и не переродилась? Петр создавал, прежде всего, символическое пространство. Есть ли сходство и до какой степени?

НК: Трудно сказать, я не могу ответить, до какой степени, но сходство есть. Я не философ, но когда живешь на Западе и возвращаешься в страну через определенные промежутки времени, то изменения видны более выпукло, потому что к ним не привыкаешь. Например, отсутствуешь год или больше и видишь то, что возникло. Раньше

я не понимал, почему в Казани все время говорят о Европе и Азии, которые соединились в Казани. Я не понимал, о чем речь: те же девятиэтажные дома, те же церкви, та же классическая архитектура, как и везде. Ничего специфического я не чувствовал. Я не чувствовал себя в эпицентре азиатской и европейской культуры. Но когда путешествуешь, видно, что Россия пытается принимать какие-то европейские ценности, которые, может быть, нехарактерны, особенно если двигаться на восток и на юг. Например, в политической организации личная преданность и принадлежность к татарской национальности – это важно для политики. Если посмотреть всех первых лиц в Татарстане, все они татары. Это нехарактерно для Европы. В Шотландии, например, не все первые лица шотландцы, в Англии премьер-министр шотландец, не англичанин. То есть, формально мы имеем демократический процесс, мы имеем выборы, но фактически у нас другая ситуация, потому что нужно принадлежать к некоей сословной структуре, нужно владеть татарским языком. Когда меня принимали на работу, то задавался вопрос «А кто вы по национальности?», поскольку это трудно определить. Я говорю: «Армянин». «Не мусульманин?», я говорю: «Нет». «Ну, ладно». Взяли.

Урал Насибулин (Архитектурно-строительный университет): Вопрос, плавно переходящий в комментарий. По поводу генплана на 2010 г. Может быть, дать такой совет: узнать, какие петербургские специалисты участвовали в разработке казанского генплана и выяснить у них, откуда взялись эти цифры. А то, что петербургские специалисты участвовали в разработке этого генплана, это точно – я имею информацию по этому поводу. А институт экономики города? Он находится в этом здании, здесь работают люди, которые разрабатывали стратегический план годами. Существует стратегический план, а генплан является его продолжением. Понятно, что с научной точки зрения это не так, но я говорю о ситуации, которая сложилась с казанским генпланом: они в определенной степени пересекаются, вытекают друг из друга и так далее. То есть стратегический план – это имиджевый документ, у него есть роскошное издание, а генплан – документ рабочий, но они все равно каким-то образом пересекаются.

Возвращаясь к неолиберализму. Я последние 15 лет каждый год бываю в Казани. Обычно летом. Был я и на тысячелетии, был я и в день открытия казанского метро, которое действительно является аттракционом: поезда приходят через 15 минут, люди стоят на станциях и смотрят. Поезд приходит – мало кто садится, потому что люди зашли в метро не ехать, а посмотреть станции. Затем они садятся, едут до следующей станции и опять ее смотрят. Что хочется сказать? Эта программа, по моему мнению, является как раз сопротивлением неолиберальной идеологии и неолиберальному порядку. Вы не зря сказали, что это единственная программа в России. А почему в других местах в России нет таких программ? А потому что в других местах неолиберализм победил полностью и окончательно. А эти огромные объекты, вся эта государственная политика являются неким психологическим вызовом неолиберализму. Чем хорошо это метро для жителей Казани? Уже тем, что на эти деньги что-то построено: они не ушли в Москву, они не ушли за границу. Психологическая позиция населения такова: лишь бы эти деньги не разворовали, да, они не идут нам на пользу, зато какой у нас гигантский ледовый дворец, какой у нас баскет-холл, Кремль и так далее. При этом исторический центр до сих пор напоминает Сталинград в 1943 году: десятки разрушенных домов. По-моему, Вы показали очень «приглаженные» фотографии, потому что я там снимал целые площади снесенных домов, целые районы развалин. То есть все это относится к неосознанной реакции на неолиберализм, к желанию дать какой-то патерналистский, патриархальный ответ. Все видят недостатки администрации, большой идиотизм в этой программе, но понимание того, что это – свое, наше, является некой реакцией людей.

Санкт-Петербург – самый либеральный город России, здесь другие установки. А в Казани людей волнует некая имиджевость, которая Петербургу уже не нужна: здесь для имиджа все есть – и Дворцовая площадь, и Невский проспект, и прочее. Казань хочет

сначала все это построить, а потом, согласно марксизму «дозреть» до либерализма, демократии и так далее. Но когда дозреет и дозреет ли – это другой вопрос.

Мария Мацкевич: Маленький вопрос перед тем, как окончательно перейти к репликам. Как я понимаю, строительство помпезных объектов в ущерб инфраструктурам и жилью Вы считаете одним из признаков неолиберализма. Скажите, пожалуйста, в чем Вы видите кардинальные отличия от традиций советского времени строительства помпезных объектов, сдачи их к «датам» и тоже в ущерб инфраструктуре?

НК: Тут можно провести параллель не только с советским временем. Когда путешествуешь по Европе и видишь гигантские католические соборы, то невольно задумываешься, почему было решено потратить ресурсы на создание чего-то совершенно бесполезного, а не того, что могло бы использоваться.

Мария Мацкевич: Уточню вопрос. Что позволяет Вам именно сегодняшнюю ситуацию называть неолиберализмом?

НК: Мне кажется, что сейчас обмен информацией происходит гораздо быстрее. Имиджи, или формулы успеха распространяются практически мгновенно. Это создает среди политиков определенный ажиотаж, политики боятся остаться в стороне от некоего мейн-стрима. Анекдотична ситуация с самым высоким зданием. Как только строится самое высокое здание, то в другом месте возникают планы строительства еще более высокого здания. Это прекрасно ложится на идею неолиберализма о конкуренции всех со всеми. Каждый город считает, что он должен конкурировать со всем миром и поэтому наличие самого высокого небоскреба – это аргумент, это плюс к тому, как строится успех. Я считаю, что это характерно именно для сегодняшнего дня: неолиберальная идея конкуренции реализуется через серию проектов городского развития, информация о которых мгновенно покрывает весь мир и создает цепную реакцию.

Андрей Алексеев (СИ РАН): С большим интересом прослушал доклад. Про Казань докладчик знает все, про Петербург он знает мало или почти ничего. И я вас уверяю, что если вы проедете по Петербургу, то увидите все то же самое, что Вы наблюдали в Казани. Здесь даже не нужны какие-то количественные соотношения. Достаточно быть жителем этого города, и вы обнаружите достаточно подобных анекдотических примеров.

Второй момент. Мне кажется, что эмпирические исследования у Вас входят в противоречие с Вашими рассуждениями. Здесь идет речь не о развитии города, а о развитии имиджа города, или о том, чем один начальник перед другим похвальноется. Никакой свободной конкуренции различных компаний там, конечно же, нет. Во всяком случае, они все во многом зависят от того, как к ним относятся местные или более высокие начальники. По сути, все это – развитие фантомов. Я понимаю, что нужно быть политкорректным, научнокорректным, и понимаю, что неолиберализм тут абсолютно не при чем. Скорее нужно говорить о псевдо-либерализме. Я не специалист в этих делах, и не вижу особой разницы между либерализмом и неолиберализмом. Но я могу Вас заверить, что все Ваши факты к неолиберальной, как и к либеральной, концепции имеют очень отдаленное отношение. Наши города, по-моему все больше и больше являют собой превращение свободного пространства в частно-государственное. Имитация, превращение мечети в развлекательный центр – яркий пример таких тенденций, что и нашло отражение в Вашем докладе. Желаю Вам всяческих успехов.

Сергей Шелин: Я считаю, что сравнение Петербурга с Казанью – весьма полезная вещь с позиции неолиберализма в виду полного отсутствия такового в умах руководителей того и другого города. Почти ничего не зная о Казани, могу сказать, что не

неолиберализмом охвачены мысли тех, кто принимает решения в Петербурге. Даже на уровне риторики речь идет, в лучшем случае, о модернизации, которая может вобрать в себя что угодно, в том числе и преобразования Петра Великого – тоже большой неолиберал был. Что касается практики, и риторики тоже – это интервенционализм, регламентационизм и так далее. То есть это некое взаимодействие с феодальным началом. Я думаю, что лучше исходить из того, что есть, а не из какой-то априорной идеи, которая оказалась неудачной.

Теперь коротко о развитии Санкт-Петербурга - как я понял из Вашего выступления, в Казани примерно то же самое. 90-е годы – это примат некоего феодализма: слабая власть и сильные так называемые бизнесмены, хотя на самом деле это феодалы: они и чиновники, и предприниматели. Здесь очень уместны аналогии со средневековой Европой и со средневековой Азией: отсюда и множество репрезентативных построек, которые Вы напрасно называете бесполезными. Гигантские готические соборы имели огромное значение для жителей какого-нибудь маленького городка, в котором, может быть, жило 5 тысяч человек. В случае необходимости, собор мог вместить всех этих жителей. Это часть их менталитета, как частью менталитета является строительство пирамид – и египетских и казанских. Они, к тому же, функциональны. Нынешний этап, который мы переживаем, отмечен тем, что на феодальный фундамент накладывается абсолютизм. В Петербурге абсолютизм более просвещенный: то метро, которое сейчас понемногу строится, необходимо людям, оно не для показа. Может быть, насчет Казани Вы немного утрируете: продолжают линии, и люди начнут в нем ездить. Также как нашим КАДом никто не пользуется просто потому, что он не достроен. Когда его достроят, а я надеюсь, что это произойдет в следующем году, все будут ездить. Может быть, и казанское метро когда-нибудь окажется не таким уж бесполезным.

В общем, я считаю, что надо исходить из реалий. А бум потребления связан у нас с «голландской» болезнью, которой болеем и мы, Петербург и вы, Казань и вся страна. То есть, с тем, что мы сейчас переживаем, уместно провести такие архаичные аналогии, как начало нового времени в Европе - если вы оптимист, или как средневековый Иран или средневековая Турция - если вы пессимист. Это уже вопрос вкуса и методологии.

Алексей Шустов (психолог, СПбГУ): Я буду продолжать тему, начатую предыдущими выступающими. Я бы убрал слово «неолиберальный» или серьезно пересмотрел бы концепцию его включения в это исследование. Насколько я помню, неолиберализмом называли временный возврат либеральных принципов в управление рядом западных государств в начале 80-х годов, что привело к серьезному улучшению экономических показателей в этих странах. То есть понятие «неолиберализм» - это тот же либерализм, только на определенном историческом этапе. Но после этого произошел откат от либерализма и, если мы посмотрим на мировые тенденции, то увидим, что сейчас господствующими принципами являются протекционизм и социализм. Замечательные последствия социализма мы наблюдаем во Франции, в Италии, в Латинской Америке. Сейчас нет господства неолиберализма в мировой политике.

Совсем сложно с российским вариантом неолиберализма. То, что у нас называют либерализмом, и то, что у нас происходило в начале 90-х годов, имело тоже очень мало отношения к либерализму. Были либеральные лозунги, но, на самом деле, это была свобода для одних, которая сопровождалась свободой быть «скушанными» для других. Основной принцип либерализма – равенство правил для всех, но никакого равенства правил не было. И сейчас многие считают, что либерализм – это когда каждый может другого «скушать», то есть такая конкуренция, которую мы наблюдали лет 10-15 тому назад.

Еще у Вас была фраза, что политические элиты подвержены влиянию вульгарной модели неолиберальной идеологии, основанной на визуальном эффекте. В этом я с Вами согласен: у нас нет ничего, кроме визуального эффекта. Люди, которые исповедуют

принцип протекционизма и сидят во главе госорганов, взяли за образец то, что жить богато лучше, чем жить бедно. Они и обеспечивают себе соответствующие условия, что мы и видим на примере Казани, в меньшей мере на примере Петербурга. Тут я могу сравнивать: не так давно я вел избирательную кампанию, правда, не в Казани, а в Набережных Челнах. Кандидат шел против поддержанного господином Шаймиевым господина Морозова, нынешнего зампреда Госдумы. Там я испытал все прелести нынешней татарской действительности.

Последнее, что я хотел бы сказать – это откликнуться на Ваш пример большого небоскреба, который все пытаются строить. Мне кажется, на этом примере очень хорошо можно понять разницу между протекционизмом и либерализмом. Если каждый раз самый большой небоскреб пытается построить частный бизнес, за счет чего развивается экономика по принципу конкуренции не между городами, а между частными компаниями, и в разных городах строится все более и более высокий небоскреб, то это – либерализм. А если самый высокий небоскреб в каждом новом городе строится на государственные деньги, то это протекционизм. Спасибо за внимание.

Березин (Петербургский НИПИГРАД): Я хочу придраться к слову «устойчивость». В градостроительстве оно все-таки применяется в другом смысле. Это градостроительные поступки в условиях неопределенности: делай все разборным, в чем не уверен, не порти хорошего, не делай того, в чем ты не уверен, т.е. не просто не порти воды, воздуха и так далее. А Ваши примеры говорят о том, что полностью наплевать на комплексность, на все. Это проектные глупости и необдуманности. Это очень далеко от слова «устойчивость» в классическом понимании. Если «градостроение» идет первым словом, то под «устойчивостью» понимают это. «Мы не знаем будущего - что же [в этом случае] делать?». А тут не интересно будущее: сейчас надо построить дворец – строят дворец. Или надо сделать программу озеленения... Конечно, это связано с устойчивостью, но не в классическом смысле.

А в остальном мне доклад понравился. Думаю, что ситуация в Петербурге несколько мягче. Согласен со всеми, что если нам и светит неолиберализм, то как маленький оттенок на фоне чего-то другого. И, как уже говорилось, далеко не всегда одиозные памятники вспоминаются долго: когда-то они восхваляются, их проклинают... А потом города, которые были неустойчивыми, как Париж и Рим, посещаются безумным количеством людей, которые обожают смотреть все эти руины.

Юрий Басилов: Я выскажу короткую реплику. Мы много говорили о неолиберализме и проблематизации нашего объекта в этой перспективе. Тут я вижу проблему трансляцию западной теории в наш контекст. Неолиберализм, как критическая проблематизация, как социальная теория родился в Британии – развитие cultural studies в 80-е годы. Холлвуд – классик, Раймонд Уильямс. Действительно, главный объект был – критика политики Маргарет Тэтчер, а это действительно была чисто неолиберальная политика. Потом эта критическая интенция против неолиберализма развивалась через рецепцию cultural studies, new urban theory (новая городская теория) в Америке, тоже во многом направленной против «рейганомии». Кстати, эта критика была очень важна для легитимации и утверждения этих исследователей cultural studies в разных областях, в том числе в политологии. А в нашем контексте это совершенно не работает, потому что здесь нет ни объекта критики, ни интенции для собственной легитимации через критику неолиберализма.

Александр Мелихов: Для корректировки и спасения концепции я бы посоветовал автору сказать, что неолиберализм никаким образом напрямую там не участвует, но он создает некий ментальный фон, которому все стараются подражать. Может быть, все-таки

следует сказать, что какие-то сооружения неолиберализма дают образцы для имитации, и роль именно в этом.

Мария Мацкевич: Я присоединюсь к большинству выступавших, сказав, что есть некий разрыв. С одной стороны, эмпирическая база в данном исследовании очень богата. Я уверена, что новые поиски в этом направлении принесут интересные результаты, и анализ этих результатов заинтересует не только специалистов, но и широкую общественность. С другой стороны, существует объяснительная схема, которая «навешана» на эту эмпирическую базу, с точки зрения большинства присутствующих, несколько искусственно. Дело в том, что при попытке войти в область социальных теорий приходится уделять колоссальное время проработке всей терминологии. То есть нельзя просто сказать «неолиберализм». Надо четко объяснить, что это такое, чем это отличается от просто либерализма, и почему такая объяснительная схема выбрана. Это другая область, требующая огромных трудозатрат, и к этому всегда будут придираются. Потому что как только Вы употребляете такой ярлык, к Вам сразу будет предъявляться масса претензий. Тем более, возникнет вопрос, насколько это соответствует реальной практике, потому что прошло много лет, и термин «либеральный» в устах управленческого аппарата города уже, по-моему, перестал звучать. Если какой-то чиновник произносит слово «либеральный», это скорее производит негативный эффект. По-моему, уже никто кроме Грефа себе этого не позволяет, да и Греф в последнее время – не очень. А на городском уровне это уже совсем исключение.

Даже те примеры и ассоциации, которые приводились: пирамиды, «потемкинские деревни», Кельнский собор, говорят о глубокой укорененности того, что Вы называете визуальным эффектом. То есть это не есть свойство последнего этапа нашего развития. А если говорить о конкуренции всех со всеми - пусть Эмпайр-стэйт-билдинг или разрушенные башни-близнецы - это проявление либерализма. Тогда что такое Дом Советов? Может быть, такие визуальные эффекты присутствовали и в отдаленной исторической перспективе, и стоит поискать какие-то культуральные, а не экономические теории, объясняющие все это, то есть поискать объяснение этих эффектов в другой области? Если вообще стоит искать, потому что это разные пласты: с одной стороны эмпирическая база – городское развитие, которую Вы изучаете, а с другой стороны – объяснительная теория очень высокого уровня. Это очень разные области. Как их объединить и надо ли? Может быть, стоит поискать что-то более локальное.

Заключительное слово докладчика.

Хочу поблагодарить за массу полезных комментариев, которые я получил. Я должен все это осознать, оценить и понять, надеюсь, что с помощью волшебной машинки это будет возможно сделать. Я, конечно, ждал вопросов о неолиберализме. Это достаточно рискованная тема, особенно когда, не обладая достаточным экономическим багажом, пытаешься обосновать свое исследование в какой-то теории. Я начинал как архитектор, продолжил как градостроитель, потом занялся политологией. Каждое новое образование ставило новые вопросы. Архитектор действует в рамках градостроительства. Градостроитель действует в рамках политических. А где же база, которая служит основанием для всего? Поэтому я неизбежно стал знакомиться с экономической теорией. Я понимаю, что здесь огромный простор для деятельности, комментарии очень ценные. Интересно, что никто не подверг сомнению сравнение Казани с Петербургом. Когда я начинал эту тему, в Британии все спрашивали: «А какое население в Казани?» - «Миллион». - «А в Петербурге?» - «Около пяти». И первая реакция была: «А как же их можно сравнивать?» То есть, они считали что несостоятельна сама попытка сравнивать такие разномасштабные вещи. Интересно, что здесь сегодня это не прозвучало.

Я считаю, что встреча была очень продуктивная и большое спасибо за ваше участие.